

Гребенщиков Егор

Красный Замок

История Чёрной стаи

12+

Егор Олегович Гребенщиков

Красный Замок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65938773

SelfPub; 2021

Аннотация

Мир всегда был полон тайн, и это не обошло стороной молодую семью, на чью долю пришлись невзгоды и страдания. Рассказ о Красном Замке наполнен магией и таинственностью, он покажет вам жизнь человека, оказавшегося случайным образом в круговороте страха и колдовства.

Егор Гребенщиков

Красный Замок

Прошло уже двенадцать лет, после того, как я перестал чувствовать себя живым.

Тот роковой год прошёл как вся моя жизнь, и я до сих пор чувствую, что не смог покинуть то место, возвращаясь к нему снова и снова, каждый раз вспоминая эту историю.

Началась она с моего детства, когда мне было всего тринадцать лет и я был смертельно болен. Когда мне было семь или восемь, у меня нашли жуткую болезнь, которая скрывалась где-то внутри, медленно убивая меня, заставляя каждую ночь просыпаться от удушья и жуткой боли.

Как только это стало известно, мои дорогие родители сразу обзвонили всех знакомых врачей, прося вылечить меня, попутно занимая у друзей деньги на моё выздоровление.

Врач нашелся, причём он был самый лучший во всем городе. Он согласился меня лечить, и отец с матерью сразу оплатили операцию. Целых три часа он мучался, перебирая мой организм по сантиметру, но так ничего и не нашел. Я, как и все, плохо помню свои первые года, но знаю точно одно – едва услышав от родителей одобрительные слова, видя их слезы, я догадался о своей печальной участи.

Потом всё шло умеренно. Иногда я вскакивал на крова-

ти, хватаясь руками за живот, который кололо неудержимой болью и стонал на кровати в объятиях родителей, которые, в такие моменты, проводили на моей постели всю ночь. Я знал, они любили меня и старался бороться с болью, но не мог.

Но однажды настал святой день. После работы, придя домой, моя мама нашла в почтовом ящике клочок газеты, вероятно подкинутый сострадательными соседями, со статьей о чудесной деревне, в которой жили знахари, лечившие любые болезни. Она сразу помчалась к отцу, уговаривая его съездить туда, говоря, что это наш последний шанс жить как счастливая семья, что она не сможет спокойно сидеть дома, зная, как плохо её сыну и что он может умереть в любой день. До сих пор я с дрожью вспоминаю этот разговор.

– Думаешь, я этого не хочу? Пойми, мы не можем верить кому-то там! Если даже врачи не помогли, то чего уж говорить о других...

Но мать не сдавалась, она хватала его за плечи, разворачивая лицом к себе.

– Нельзя так, как ты не понимаешь, я не смогу... – она заплакала, так и не договорив.

Тут у меня начался приступ, вся боль повторилась по новой. Я корчился на кровати, зовя родителей помочь.

И тогда, увидев меня, отец решительно сказал

– Завтра едем. Готовь вещи.

Не помню, сколько мы были в пути, но так или иначе, мы

смогли добраться. Почти сразу отец договорился о съёмной квартире, где нам отдали две комнаты почти за бесценок, а моя любящая мама искала в спешке целителей.

Но газета не соврала, поскольку одна из знахарок нашлась. Меня отвели к ней, заявив, что она обязательно должна помочь. Я не верил, но и не сопротивлялся.

Нас провели до нужного дома, но внутрь пустили только нас. Когда дверь открылась, я увидел семью из четверых человек, сидящих вместе за столом. Среди них была старая женщина, двое мужчин, примерно двадцати лет и девочка моего возраста. Я немного смутился, заходя внутрь, но нас встретили спокойно и гостеприимно. Хозяйка – та самая знахарка, знала о цели нашего прибытия и тут же встала из-за стола, пройдя на кухню. Оттуда послышались звоны посуды и скрип половиц, а после она окликнула нас, прося пройти за ней.

– Давно он в таком состоянии? – спросила женщина, рассматривая меня, лежащего на кровати.

– Да... – призналась мама.

Женщина ничего не сказала. Она взяла меня за края футболки и рывком дёрнула их, рассматривая живот. Там были черные отметины, которые были похожи одновременно и на полосы, и на огромные точки.

Знахарка недобро сощурилась, рассматривая раны, которые я сам никогда раньше не видел. Она сказала пальцы вязкой жидкостью, которую принесла вместе с другими вещами

и начала проводить по отметинам, замазывая их и делая менее видными.

– Проклят – повторяла она – Проклят.

Мать с отцом испуганно посмотрели на знахарку, вслушиваясь в её слова.

– Вороньи крыла промелькнут черной тенью, и дитя умрет на четырнадцатую весну, после рождения. Так выбито на стенах Красного Замка.

– А к-как это лечить? – спросила перепуганная мать.

– Нельзя перечить приказу небесных стражников. Пусть приходит каждый седьмой день ко мне, я буду спасать его от жгучих ран. А все шесть дней он должен проводить на воздухе, пока не наступит срок. До наступления Дня Жертвы вороны будут стеречь его из небес, защищая от напастей.

– Не верю. – Сказал отец шепотом, после повысив голос до крика, ударяя по стене кулаком. – Я не буду верить в то, что мой сын умрёт на моих глазах. Говорите, есть же средство!

Знахарка повернулась к нему и, странно улыбаясь, произнесла.

– Глаз Птицы наполнится кровью лишь спрячешься в норах крысиных и жертву возьмут они больше чем ту, что они захватили. Так выбито на стенах Красного Замка.

Тогда я не смог узнать, что поведала моему отцу та страшная женщина. Я был так напуган, что попятился из комнаты настолько, насколько мне позволили размеры дома, так что я даже не решился подслушивать.

– Садись, устанешь стоять ведь – предложил кто-то из двух мужчин.

Я принял предложение, хотя я совсем не чувствовал себя уютно, но лучше было отвлечься, особенно сейчас, когда в голову лезут мысли о словах старухи.

Как я узнал позже, эти двое были гости, братья девятнадцати лет. По их словам, они помогают знахарке, работая по дому и прочее. Компанию им составляла неродная дочь знахарки. Я не знал её имя, но за всё время я свикся общаться в этой деревне не употребляя имён. Это было странно, но тогда слово «странно» не имело значения.

Они предложили мне чай, и я охотно согласился. Пока мы ждали, когда из комнаты выйдут отец с матерью, они рассказывали про свою деревушку, описывая её прекрасным и спокойным местом, одобряя мой переезд сюда. Я не стал говорить им, что я здесь не надолго, чтобы не перебить весь настрой.

Ждать пришлось не долго, но почему-то я был не рад вновь увидеть родителей, выходящих из знахарского дома. Отец был зол, а мама так бледна и напугана, что я ничего у них не спросил, лишь ещё раз вздохнув над нашей печальной судьбой.

Ночь прошла спокойно, боль отступила, открыв место спокойному сну, а на утро ко мне пришла девочка, которую я видел в доме той женщины. Оказалось, её попросили помочь мне освоиться здесь, а я был не против.

Это был первый день, когда свободно гулял по улице, не сидя дома и не переходя от одной клиники к другой. И это был первый день, когда я нашел себе друзей.

Оказывается, все подростки из этой деревушки собирались вместе каждый день, и я познакомился с некоторыми из них. Вернее с самым малым количеством, так как остальные второпях ушли, узнав о моём недуге.

Остались всего трое. Знакомая мне девочка, зашедшая за мной поутру, высокий шестнадцатилетний парень, приехавший сюда из города и по этой причине носивший имя. Его звали Виктор. Он был из семьи путешественников и должен был уехать через два года в Мексику, где проведет некоторое время. Он был авантюрист, душой компании, любивший проводить время активно.

Противоположностью была последняя, уже из коренных жителей, девочка чуть младше меня, которая носила прозвище Мона Лиза, за улыбку, схожую с той, которая была изображена на картине.

Я скоро вписался в компанию и совсем позабыл о болезни. Родители были совсем не против остаться тут подольше, я, признаться, тоже хотел этого.

Но прошел год и, однажды, меня опять позвали к знахарке, хотя седьмой день был ещё далеко. Я готовил себя как мог, но, когда вошёл в ту самую комнату, не мог побороть дрожь в ногах.

– Садись, дитя. Ты же помнишь, что тебя ждёт?

Я не отвечал, пряча взгляд, желая раствориться в воздухе, чтобы не слышать старческий голос и не чувствовать невольный озноб.

– С этого дня я больше не могу справляться с твоим проклятьем. Наступит тот день, вороньё примет свою жертву и улетит в свои гнезда, позволив нам перестать прятаться в тени.

– Про что вы говорите? – спросил я, задумавшись.

– Ты не знаешь, Дитя, тебе чужды наши судьбы. Вороны властвуют на могилах усопших, питаюсь живущими. Проклятье, носимое тобой, забирает сотни людей, вороний глаз видит всех, кто не смог укрыться, чуткий слух ловит все имена, тебя, Жертва, нарекли под вороньим крылом, ты сам всё вспомнишь!

После этих слов она закрыла мне лицо руками и я провалился в небытие. Люди плохо помнят своё детство, но тогда я видел всё так, будто это происходило наяву...

Мы шли по асфальту, я еле поспевал за своими родителями, довольно молодыми и счастливыми. Я смотрел на них и они не казались такими несчастными и усталыми, как тогда в городе. Сам я тоже изрядно помолодел, я был маленьким, мне было примерно три года. Мы шли, мама держала в руке букет цветов и смеялась. Я услышал как она сказала отцу, что меня будут звать Энмир, на манер персонажа из её любимого фильма. Отец согласился перед тем, как заметить опасность заметил отец. Он крикнул нам, чтобы мы легли на землю, но

я задержался, лишь для того, чтобы взглянуть вперёд. Мой взгляд уткнулся в оперенного черным ворона, летящего на меня. Он пролетел надо мной так низко, что я почувствовал, как крылья коснулись моей головы. Он громко и противно заорал, и я потерял сознание.

На мгновение я увидел яркий образ, вспышкой мелькнувший в моей голове. Стена из красного камня с железной дверью...

Очнулся я уже дома, едва помня события сна, но я сохранил в памяти силуэт великого здания, манящий к нему ослепительной красотой и таинственностью...

Я пытался сложить картину полностью, собирая её из кусочков воспоминаний, которые смог уловить во сне, когда меня сморило в сон, но выспаться мне так и не удалось – всю ночь я слышал, как над домом кричат вороны, спускаясь на крышу и хлопая своими ужасными крыльями.

К утру же птицы исчезли, но явился Виктор, ведя за собой девочку. Он постучал в дверь и, как только я открыл ему, сказал.

– Ты выйдешь? Мы такое нашли! – он наперебой с девочками что-то говорил, но я сказал, что скоро выйду и пошел одеваться.

Виктор ждал меня ровно три минуты, но было видно, что для него это была вечность, потому что, едва мне стоило появиться на улице, он потащил меня за собой, стараясь идти быстро, будто бы он мог опоздать на что-то очень важное.

Мы шли по дороге все вместе, в странном молчании, и как я ни пытался заговорить – все тут же заявляли, что осталось совсем малость, потерпи.

Ещё я заметил, что всюду, на деревьях и домах сидели вороны. Они безотрывно смотрели на нас и, когда мы отходили на некоторое расстояние от них, перелетали поближе, не теряя нашу компанию из виду.

– Теперь направо. Скорей же! – произнесла наша вечно спокойная Мона, взволнованным тоном.

Мы свернули с дороги, причем они затолкали меня силой на неё, не медля и не останавливаясь. Мы шли быстро, почти бежали, пока не увидели странное здание. Странное тем, что я уже видел в своих снах, руины, где была большая стена, окружённая точь-в-точь похожими на неё красными стенами, стоящими по бокам. Прямо перед нами виднелась стена, в которой была помещена стальная дверь.

– Пошли, мы должны открыть её! – сказал Виктор, бросившись к двери, волоча меня с собой, но я не желал уходить. Я стоял, смотря на великолепный замок, минуту назад бывший руинами, едва устоявшими и полуразрушенными. Но это казалось таким пустяком, по сравнению с величию башен, с тем блеском огромных, воистину кровавых рубинов, из которых было сложено это строение. Я заворожено смотрел на все это, пока меня не охватило желание отпереть дверь и проникнуть в замок, кишасший сокровищами. Я оттолкнул Виктора, дёргая за ручку, но она не поддавалась. Я

закричал на остальных, приказывая помогать мне, но это было не нужно. Они делали то же самое, ища проходы в стене, простукивая камни и выискивая лазейки. Они желали того же, что и я, были одержимы той же манией.

Внезапно явился человек, одетый в лохмотья и несущий в руке длинный посох из дерева, изголовье которого было сделано из черепа птицы. Он крикнул что-то неразборчивое, постукивая по камням посохом, и мы все разом, в один момент оглянулись. Мы больше не видели красот замка, видели лишь неизвестного бродягу, подзывающего нас.

– Кто вы такие? Что вам тут надо? – спрашивал он у девочек, оказавшихся ближе всего к нему.

– Мы... Просто... – начали они, но незнакомец их перебил.

– Ты! – он указал на меня. – Ты скажешь мне, что вы искали.

Я осторожно подошёл к нему, смотря под ноги от чувства вины, накатившего непонятно откуда. Именно поэтому я и заметил на земле тень, разрастающуюся и увеличивающуюся в размерах. Я посмотрел на верх и увидел большого ворона с красными глазами. Он напал на меня, хищно выставив когти-крючья, ударяя меня по голове. Весь мир расплылся в мутных красках, окуная меня в бессознательность.

– Эй, парень, ты слышишь меня?

Голос был знакомый, но от сильного удара я не мог вспомнить, где его слышал. Я медленно открыл глаза, почувство-

вав при этом резкую боль.

– Молодец. – произнес человек, разбудивший меня. Он взял меня за руку, вручая деревянный ковш, из которого что-то плескалось. – Выпей.

Я поднес ковш к губам и отпил. Питьё было горьким, но оно помогло мне чувствовать себя лучше, убирая боль, пульсирующую над левым глазом. Теперь я мог полностью оглядеть это место. Как оказалось, это была деревянная хижина, довольно тесная и неудобная. Внутри, под потолком, висели пучки разных трав, а на кривой печке стоял котёл, в котором что-то кипело. Незнакомый человек, увидев мой любопытный взгляд, скользкий по его хижине, взял меня под руки и повел к двери.

– Нечего высматривать, иди домой!

Я запротестовал, не увидев в помещении своих друзей.

– Я не пойду без остальных. – я замялся, решая, что ещё сказать, но он меня опередил.

– Они уже ушли, и тебе давно пора! – он вытолкнул меня, заперев дверь.

К вечеру я уже был дома. Перед тем как лечь спать, мы собрались на ужин, и я ненароком рассказал родителям о замке из красных камней. Они посмотрели на меня так, словно перед ними сидел ужасный монстр, а не их сын. После долгих уговоров, цель которых заключалась в том, чтобы я больше не ходил там, отец встал из-за стола и сказал.

– Значит, так. Ты не появишься там. Понял? Знахарка ска-

зала, что это место не для вас, и я с ней полностью согласен. Что если ты поломаешь себе шею на этих руинах? Что тогда?

Я покорно согласился, отметив в памяти, что обязательно сбегу туда из-под глаз отца.

После ужина я отправился спать, но как только в доме стало тихо, я открыл окно, выбравшись через него наружу. Теперь моей целью был замок. Я должен пройти через дверь.

Спустя несколько минут, я был у двери, расталкивая троих, которая была мне друзьями, но теперь меня заботил лишь замок. Не было ничего ценнее его сокровищ.

Дверь отдавала гулким звоном, когда мы молотили по ней, стараясь выбить, разломать стену. Но в этот момент блеск луны закрылся черными тенями. Тучи ворон слетались на нас, хлопая крыльями и противно крича, но мы не замечали этого. Замок. Лишь замок из красных камней и больше ничего.

Меня сбил с ног удар, я пытался подняться, но тут же увидел, как перед лицом опустилась гигантская птица с кровавыми глазами. В её облике ощущалась власть над жертвой, законной трапезой, намеченной четырнадцать лет назад. Я полз вперёд, уставившись на дверь.

В это время моего плеча коснулась жилистая рука. Её хозяин произнес слова, которые я слышал в прошлый раз, и всё разом улетучилось. Остались лишь старик с посохом, стая ворон, поднявшаяся в воздух и не решающаяся опуститься вниз, и трое детей, сумевших выломать дверь. За ней была

груда мусора, они рылись в ней и смеялись. Вдруг, Виктор поднялся во весь рост, сжимая в руке осколок стекла. По его ладони струилась кровь, а сам он смеялся и кричал.

– Теперь рубин мой! Мой! Мой!

Две девушки бросились на него, рыча от злости, стараясь вырвать жалкий осколок. Они катались в пыли и камнях с визами и рёвом.

Я хотел окликнуть их, но старик закрыл мне рот ладонью и потащил назад, отгоняя пикирующих воронов.

Мы добрались до хижины и, едва успели закрыть дверь, как птицы осадили дом. Они стучали по стёклам, брёвнам, бились об крышу, жутко верещали, затмевая собой окна.

– Хватит – крикнул старик. – Мальчишка принёс вам жертву, он выкупил свою жизнь!

Казалось, в кругу общего шума и хаоса его слова были едва слышны, но, как только он произнес их, вся туча птиц устремилась прочь от хижины. Я приблизился к окну, чтобы увидеть, куда они делись и до сих пор не смог оправиться от увиденного...

Вороны закружились над замком, спускаясь вниз. Я слышал смех и крики друзей, но они сменились ужасом и мольбами, когда черная стая напала на них.

– Что происходит?! – закричал я, требуя ответа у старика.

– Глаз Птицы наполнится кровью, лишь спрячешься в норах крысиных, и жертву возьмут они больше, чем ту, что они захватили. Ты принес жертву. Твоя жизнь спасена.

– Так нельзя! Почему вы спасли меня?

– Ты невольник, не из нас. Тебя выбрали случайно. Погибнуть должен кто-то из нас, таково проклятье. Сколько бы ни мазала старая ведьма кровью твои раны, сколько бы ни звал тебя Красный Замок – ты не должен умереть. Убирайся отсюда, парень, забудь всё и живи спокойно...

Прошло уже двенадцать лет после того, как я перестал чувствовать себя живым. Хотя меня и спасли от жестокой судьбы, я все равно считаю, что я остался там, вместе с друзьями, на куче мусора в глубинах Красного Замка.